

ные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели» (стр. 59). Ср. ту же реплику в устах Илариона и Павла — с иной экспрессией: «Аввакум милой, не упрямясь, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить» («Книга бесед», стр. 292). В «Книге толкований и нравоучений», при рассказе о Манасии: «И Авраам отец стал. А до того глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святые, грамоте не умели!» (стр. 469).

Только Аввакум — один из всех персонажей «Жития» — в бытовом диалоге достигает высоты церковного ораторства: в беседах со своими детьми духовными и врагами он величественно пользуется библейско-церковными символами: «И я рек: восстани! бог простит тя!» (редакция В; ср. стр. 22, 25, 28 и многие другие). Однако формы диалогической драматизации в тех частях «Жития», когда обмен репликами развертывается в драматическую сцену, носят яркую печать вытовой народно-сказовой экспрессии (ср. разговор Еремея с Пашковым — стр. 36; сцену с мужиком и протопопией — стр. 31—32; разговор с царем — стр. 44—45 и многие другие).

4

Таким образом, стиль «Жития» протопопа Аввакума, как и многих, едва ли не большинства других его сочинений, представляет сложную систему закономерно чередующихся словесных форм: простодушно-деловой сказ то разнообразится раскатами патетических тирад или торжественным чтением библейских текстов, которое временами переходит в ораторскую речь, проповедь; то уснащается каламбурами, шутивными народными приговорами («и мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро», стр. 44; «А ты душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах», «Книга бесед», стр. 252—253; «Люблю брата, яко фусточку, себя же вмению пред ним, яко онучку», стр. 952; «Отольются медведю коровьи слезы», стр. 784; «Отольются медведю ослины слезы», стр. 808), двустышиями; то превращается в ритмически размеренное, торжественное богослужение. Анализ стиля сочинений протопопа Аввакума открывает сложные формы семантического сплетения и слияния церковно-книжной фразеологии и мифологии с устно-поэтической речью, с народно-мифологическими образами и выражениями, с приемами бытового разговора и сказового повествования.

На остром сочетании в структуре одного и того же литературного произведения тех форм словесного творчества, которые были разобщены в речевой практике XVII в. по жанрам и частично даже выходили за пределы «литературы» в понимании той эпохи, в «Житии» протопопа Аввакума был воздвигнут сказовый жанр агитационной автобиографии «изящного страдальца», символически раскрывающей жизненный путь «истинного христианина».

«Житие» протопопа Аввакума — произведение не только художественно-повествовательное, поэтическое, но и риторическое. Как риторическая проповедь, направленная к экспрессивному воздействию на слушателя, оно создавалось по законам слушателя своей эпохи, по законам его речи и понимания. Этими проповедническо-агитационными функциями своими оно тесно связано с культурно-исторической обстановкой социальной борьбы XVII в. и с присущими ей литературными формами выражения.